

Александр Корин

СЕРДЦЕ О СКАЗКУ ГРЕЕТСЯ...

Однажды Евгений Львович Шварц предложил редакции детского журнала «ЧИЖ» (Чрезвычайно Интересный Журнал или Читайте Интересный Журнал), в котором он тогда работал:

— А что, если нам завести в журнале новую рубрику под названием «Известные исторические факты с уточнениями»?

— Это еще что за сомнительные «уточнения» ко всем известным фактам? — удивились коллеги

Евгений Львович объяснил «непонятливым».

Берем, к примеру, историю сэра, который Исаак Ньютон. Для неграмотных гуманитариев, которыми переполнена наша редакция, могу добавить, что речь идет о гениальном английском физике.

Однажды осенью 1665 года Исаак Ньютон решил погулять в парке старинного, до сих пор насквозь буржуазного, Кембриджского университета. Только старик надел котелок, взял трость, и отворил калитку, чтобы сотворить свою ежедневную прогулку, как вдруг мимо него на огромной скорости пронесся огромный кот.

«Бегущий мимо огромный черный да еще черный кот?! Это не к добру! Это есть плохое предзнаменование! — подумал вели-

кий физик, механик, астроном, а заодно и математик. — Нет уж, береженого Бог бережет. Посижу-ка я лучше в своем саду!»

Он сел на скамью, стоящую под яблоней, снял котелок и собрался было вздремнуть, так как участие в работе многочисленных комиссий измотало его, но!

В этот момент созревшее полное яблоко свалилось ему на голову.

Сна, естественно, как не бывало!

Сэр Ньютон задумался! О коте, о ноющей шишке на своей башке, об упавшем вниз, именно вниз, яблоке, а, подумав о коте, шишке и яблоке, связал все это воедино, после чего взял да и открыл всем, даже Дане Хармсу, известный Закон Всемирного Тяготения (ЗаВсеТ).

— Ну, а в чем будет «уточнение исторических фактов»? — поинтересовались друзья-соперники Шварца по редакции «ЧИЖ» Николай Олейников, Даниил Хармс и Александр Введенский.

— В том, — объяснил Шварц, — что не яблоко, как все думают, а кот, промчавшийся мимо сэра Исаака, вот кто был истинной первопричиной открытия! И мы будем первые, кто заметит эту важную, можно нагло сказать, историческую роль животного!

Новая рубрика понравилась всем, даже главному руководителю всей детской литературы города Ленинграда Самуилу Яковлевичу Маршаку, но ни в журнале «ЧИЖ», ни в журнале ЕЖ («Ежемесячный Журнал»), так и не появилась. Поскольку именно в это время, в 1931 году, по всей стране началась очередная идеологическая кампания, на этот раз — была объявлена неистовая борьба с буржуазными суевериями и предрассудками, в число которых угодил и страх перед черным котом.

Ну, а я все-таки попробую вернуться к этой теме «уточнения известных фактов из жизни», но не сэра Ньютона, с которым и так все ясно, а что не ясно, пусть сами англичане разбираются, а писателя Шварца, в жизни которого до сих пор многое не прозрачно и загадочно.

Впрочем, начнем с ясного, однозначного и несомненного.

Евгений Львович Шварц родился 9 октября 1896 года в славном университетском городе Казани в семье врача.

Странно, конечно, что, судя по датам, наш герой жил в двадцатом веке.

По многим свойствам своей природы ему, например, было бы легче приятельствовать со своими коллегами Гансом-Христианом Андерсеном и братьями Гриммами, жившими несколько ранее, а он, вернее, его родители выбрали время для рождения своего сына такое, когда почему-то именно сказок боялись как огня.

Сказка — это ведь самое первое, самое древнее, самое вечное, самое тайное, а, значит, и не контролируемое сверху, место встречи новенькой человеческой души с вечным человеческим словом.

Сказка опирается на вечные истины, которые потому и вечные, что живут вне актуальной политики, вне конкретного времени. Эти истины — законы, по которым должны развиваться нормальные человеческие взаимоотношения во всех нормальных обществах.

Законы эти, если верить Шварцу, таковы:

Добро — всегда побеждает. Не сразу, конечно. Но где-то поближе к финалу — непременно!

С раннего детства Женя признавал только те выдуманные истории, которые имели счастливый финал. Этим очень разумно пользовалась мама. А потом и советская власть. Когда наступал час приема ненавистой пищи, например, обеда, мама всегда в это время импровизировала как бы некую сказку. Когда обед приближался к середине, в маминой сказке тотчас обнаруживался какой-нибудь несчастный герой на утлом суденышке в бушующем море-океане. А дальше будущему сказочнику предъявлялся ультиматум: «Доедай все до конца! Если хоть что-нибудь останется на твоей тарелке, они там все на судне утопнут в море!» И несчастный Женя подчищал свою тарелку до полного сияния, только чтобы все у всех и всегда кончалось хорошо.

Да, но вернемся от этих милых пустяков к обобщениям.

Насчет обязательной победы Добра мы условились, перейдем к поискам Истины.

Истина в представлении писателя — тоже обязательно, пусть и в самом конце сказки, но торжествует.

А негодяи — непременно получают по заслугам.

Торжество этих законов — вот цель нормального общества. Их соблюдение должно быть нормой жизни.

А редкие глашатаи этих законов — достойны славы.

За что? А за то, что берет, например, Шварц сюжеты трех сказок Ганса, который Христиан и к тому же Андерсен, и **перепутывает** их в своей пьесе «Голый король».

Вот что мы имеем на входе в этот текст.

А что имеем на выходе?

Что он в своей сказке вроде бы только для театра **распутывает** смысл всей окружающей современного человека жизни, играючи ставит сложнейшие философские проблемы и увлекательно решает их.

Или, возьмите легендарную «Тень» Шварца.

Как заметил один критик, «гениально утонченный смысл этой пьесы таков:

Жизнь потому всегда побеждает Зло, что Зло — это лишь тень Жизни, враждебная ей, но, в конечном счете, зависящая от нее, а, значит, и от всего глубоко человеческого, что есть во всякой подлинной Жизни».

В творчестве Шварца старые сюжеты обретали новые черты и легко и навсегда вписывались в современный контекст. При этом вечные сюжеты одевались в такие остроумные и прекрасные стилистические одежды, что многие реплики шварцевских героев вошли в разговорный русский язык на правах анонимных, как бы народных пословиц, афоризмов и выражений.

Во времена, когда почти все властители тогдашних дум, прославленные и хорошо заплаченные многочисленные «инженеры человеческих душ», гордившиеся томами «партийных книжек», при всей разнице в своих дарованиях и художественных направлениях, кто — цинично, кто — что еще хуже — искренне

объявлял об отмене таких устаревших буржуазных понятий как жалость, сострадание, сочувствие, вот в эти самые времена сказочник Шварц остался одним из немногих, кто продолжал наивно настаивать:

«Это можно — не обижать вдов и сирот.

Жалеть друг друга тоже можно.

Не бойтесь!

Жалейте друг друга!

Жалейте — и вы будете счастливы!

Честное слово, это правда, чистая правда, самая чистая правда, какая есть на земле».

Представляете, как это звучало, когда со всех сторон в каждом городе, в котором была своя собственная газета «Правда», неслось жизнеутверждающее: «И если он (век) скажет «Солги!» — солги, ... а если он скажет «Убей!» — убей!» Да ведь и литературный учитель Шварца, Маршак, когда потребовалось, не побрезговал людоедскими изделиями вроде «Сказки о Пете — толстом ребенке и о Симе, который тонкий», или «Мистера Твистера».

Сказки Шварца мешали постигать новую жизнь. Многим тогда это не нравилось. Особенно педагогам и критикам. Даже друзьям казалось, что создавать в стране, где право на творчество практически имел только один человек, усатый Дракон, свой собственный сказочный мир было почти безумием.

Тем не менее, Шварцу это удалось и зритель, маленький, а иногда и большой, что случалось гораздо реже, верил героям шварцевских сказок и не сомневался в их правоте. Может быть, еще и потому верил, что чувствовал: каждое слово, даже если это была обычная прописная истина, или необыкновенно глубокий и блестящий парадокс, обеспечивалось самой личностью автора.

Он ведь действительно был простодушен, как Ученый в «Тени»:

«Ваша страна — увы! — похожа на все страны в мире. Богатство и бедность, знатность и рабство, смерть и несчастье, разум и глупость, святость, преступление, совесть, бесстыдство — все это перемешано так тесно, что просто ужасаешься. Очень трудно будет все это распутать, разобрать и привести в порядок так,

чтобы не повредить ничему живому. В сказках все это гораздо проще»;

мудр, как Трактирщик в «Обыкновенном чуде»:

«В молодости я ненавидел людей, но это так скучно! Ведь тогда ничего не хочется делать и тебя одолевают бесплодные, печальные мысли. И вот я стал служить людям и понемножку привязался к ним... Да, я служу людям и горжусь этим! Я считаю, что трактирщик выше, чем Александр Македонский. Тот людей убивал, а я их кормлю, веселю, прячу от непогоды. Конечно, я беру за это деньги, но и Македонский работал не бесплатно»;

иногда, безумно смел, как вечно странствующий рыцарь Ланцелот:

«Я был из-за этого девятнадцать раз ранен легко, пять раз тяжело и три раза смертельно. Но я жив до сих пор, потому что я не только легок, как пушинка, а еще и упрям, как осел»;

но гораздо чаще растерян, печально изумлен и беспомощно подавлен, как Шарлемань в том же «Драконе»:

«Ах, боже мой! Как мы беспомощны! То, что город наш совсем-совсем такой же тихий и послушный, как прежде, — это так страшно».

И все-таки он никогда ни в жизни, ни в творчестве не называл зло — добром,
печальную необходимость терпеливо молчать или молча терпеть — доблестью,
свободу — рабством,
а рабство — свободой.

Никогда не воспевал ни классовую, ни национальную, ни какую другую исключительность, непременно переходящую, как утверждал писатель, в ненависть к другому. Не такому как ты.

Правда, в отличие от своего любимого героя Ланцелота, Евгений Львович в жизни никогда не выходил на открытый бой со всякими Драконами.

Он, например, никогда не спорил с цензорами, которые рубили все его лучшие пьесы топором по живому, добиваясь топорности шуток, реплик, диалогов. В фильме «Дон Кихот» старый шут

говорит Дон Кихоту, которого метят на роль нового шута при дворе герцога, насчет репертуара, который ныне дозволен:

«Новых шуток нет на свете.

Есть шутки о желудке,
есть намеки на пороки.

И есть дерзости насчет женской мерзости. И все».

Когда же в инстанции поступали странные сказки Шварца, в которых появились новые шутки, блистательные тексты тщательно очищались, обрезались и вываривались, как запеканка в школьной столовой. Из обработанного таким образом текста мог получиться только театр безвкусный, хотя и съедобный. И в этом качестве, уже никому, и, прежде всего, самому автору — ненужный. Поэтому Шварц с цензурой не спорил, но никогда ничего не переделывал, а просто хоронил в нижнем ящике письменного стола снятые со сцены после успешных премьер свои легендарные сказки для театра «Голый король», «Тень» и «Дракон». «Обыкновенному чуду», которое он посвятил своей второй жене, Екатерине Ивановне — повезло больше.

В реальной жизни ни характером, ни поступками, точнее, отсутствием оных, Евгений Львович Шварц совсем не походил на сказочных героев-рыцарей. Всю свою сознательную жизнь он страдал и мучительной социальной рефлексией, и комплексом литературной неполноценности, и, разумеется, как все люди того времени, он постоянно испытывал необыкновенно заурядный, но очень обоснованный, страх.

Даже в самом начале своей литературной деятельности, когда из писателя детского он стал детским драматургом, Шварц вспоминал, что «начиная свою работу, я был смел, но в смелости моей никакой заслуги не было. Эта смелость была прямым результатом моей неопытности. Я не знал о так называемой «специфике детского театра».

А если бы знал? Не писал бы? Писал бы как-нибудь по-иному? Да нет же. У настоящего писателя ведь нет выхода.

В августе 1957 года, за полгода до смерти, писатель подвел

итоги своей жизни следующим, уже совсем неутешительным и несправедливым образом:

«Настоящей ответственной книги в прозе так и не сделал.

Я мало требовал от людей, но как все подобные люди, мало и давал.

Я никого не предал, не оклеветал, даже в самые трудные годы, выгораживал, как мог, попавших в беду.

Но это был значок второй степени.

Это не подвиг.

И перебирая свою жизнь, ни на чем не могу успокоиться и порадоваться.

Дал ли я кому-нибудь счастья?...». (*Е. Шварц. Дневники.*)

Современники, к счастью, были другого мнения.

Когда-то великий русский режиссер Николай Павлович Акимов, первый и единственный поставивший на сцене своего легендарного Театра Комедии все лучшие пьесы Евгения Львовича, заметил, что у пьес его друга «такая же судьба, как у цветов, морского прибойя и других даров природы: их любят все, независимо от возраста».

Многие современники были приятно, а некоторые и неприятно, изумлены тем, что тексты подобного уровня вообще появились на свет божий в стране Советов!

Мало того, были опубликованы!

Мало того, были поставлены на сцене, пусть некоторые из них только по одному разу!

Мало того, автор этих бессмертных текстов уцелел, при жизни почти не имел врагов, зато имел славу, успех у женщин, детей и, что особенно важно, у собак и котов, собственный автомобиль, прекрасную квартиру в Ленинграде, пусть и убогую, но собственную дачу в престижном поселке Комарово, деньги на счете, коллекцию английского фарфора в буфете, не имел долгов и умер в своей постели! Все это они вполне справедливо считали настоящим советским «обыкновенным чудом», случившимся с необыкновенным и не очень советским писателем и человеком во времена, повторяю, совсем не сказочные, переполненные ка-

кой-то небывалой доселе запредельной жестокостью, почти сказочной глупостью и бесчеловечностью.

Но как сказал поэт Александр Кушнер, «времена не выбирают, в них живут и умирают».

Вот и Женя Шварц ничего не выбирал.

В том числе и свою фамилию.

Его отец, Лев Борисович Шварц, родом из Екатеринодара, студентом-медиком за излишнее увлечение революционными идеями был сослан из холодной Казани, в которой он учился и где родился Женя, в теплый город Майкоп.

Вместе со своей женой, урожденной Марией Федоровной Шелковой, курсисткой акушерских курсов из Рязани.

Историческое уточнение. Дед Евгения Львовича по русской матери носил фамилию Ларин. В послевоенные трудные годы борьбы всемогущего государства с беспомощными космополитами безродными, Евгений Львович иногда вспоминал, что умные родственники предлагали ему в свое время взять в качестве псевдонима фамилию деда и стать писателем Евгением Лариным. Но, говорил Шварц, я вспоминал известную и притом русскую душой писательницу, девушку по имени Татьяна, автора печального стиха: «Я вам пишу...», и решил, что второго писателя по фамилии Ларин русская литература может и не выдержать! И остался навсегда русским писателем с сомнительной время от времени фамилией — Шварц.

Кстати, чтобы уж закончить с этой вечно злободневной в России темой. В порядке краткого «уточнения».

Женя Шварц со дня своего рождения был уверен, что он русский, и оставался в этой простодушной уверенности вплоть до начала Первой Мировой войны. Когда же война началась, Женя, как истинно русский патриот, тайком от родителей подал документы, чтобы поступить в военное училище.

И вот в 1914 году вдруг «выяснилось, что я православный, рожденный русской женщиной, стало быть, по всем документам — русский, в военное училище поступить могу только с Высочайшего разрешения, так как отец у меня — еврей».

А для Высочайшего разрешения несовершеннолетнему юноше требовалось еще и согласие родителей, а согласия — они не дали.

Так будущий писатель узнал, что на самом деле, он — еврей.

Ну, ладно, он с этим смирился. Живет себе дальше евреем, в стране и в его жизни много чего происходит, и в 1920 году он решил жениться. Его любимая девушка, маленькая актриса крошечного ростовского театра Гаянэ Халаджиева, вроде бы, как все актрисы, девушка во многих отношениях продвинутая и смелая, как на грех, оказалась из семьи консервативных христиан-армян какого-то особо строгого, грегорианского разлива. Не обращая внимания на кое-какие изменения, зачем-то происшедшие в жизни Российской Империи после 1917 года, новые родственники заявили, что не допустят брака армянки с евреем по религиозным соображениям. И не принять во внимание эти соображения Гаянэ, к удивлению Шварца, не могла. Чтобы спасти молодую семью, Гаянэ предложила любимому записаться в своем паспорте как армянин.

Шварц задумался.

Перед этим он год добивался согласия Гаянэ. Дело шло туго. И вот однажды, холодным ноябрьским вечером шли они с Гаянэ после репетиции по берегу тихого Дона. Шварц все бубнил, что, дескать, готов ради красавицы на все. Практически на все. И убить себя могу, и банк ограбить, и поэму написать, — в общем на все!

— Ну уж прямо на все? — не поверила красавица и посмотрела на черную ледяную воду. — А слабо, если я скажу, чтобы ты прыгнул в Дон — прыгнуть?

Женя, счастливый, что от него не потребовали чего-то большего, в тот же миг, пока Гаянэ не передумала, ринулся в воду, в чем был. А был он в тот исторический момент в роскошном дорогом папином пальто, в шляпе своего лучшего друга и калошах дедушки по отцу.

Только после этого подвига Шварц, на свою голову, добился согласия на женитьбу.

«Увы, — вспоминал потом Евгений Львович, — наш брак

оказался неудачен, потому, наверное, что совершился не на небесах, а в воде ледяного Дона».

Но это — «историческое уточнение». А в тот день Шварц был счастлив: он не утонул, девушка будет его женой, новое условие, выдвинутое старыми родственниками невесты, показалось легким развлечением, и Женя хладнокровно согласился.

Он всегда считал себя русским писателем, выше этой национальности ничего не знал, ему было решительно все равно, что там написано в паспорте.

И до 1928 года при всяком удобном случае дружеского подпития Евгений Львович с гордым видом «из широких штанин» вынимал паспорт и всем предлагал:

«Читайте! Завидуйте! Я, сын еврея и русской, тем не менее — армянин Советского Союза!»

А в 1928 году первая семейная лодка Шварца разбилась о быт, а также о разность характеров. Чехов, любимый писатель Шварца, сказал о подобных вариантах семейной жизни:

«Двое встретились,
полюбили друг друга,
поженились
и были несчастливы».

Так что, когда в стране приняли решение выдать своим гражданам новые паспорта, Евгений Львович понял, что наступило самое подходящее время в графе «национальность» восстановить историческую справедливость, и на вопрос, кто, дескать, вы такой, ответил, что он — «иудей». А девушка-паспортистка услышала другое, и вскоре Шварц обнаружил, что если верить паспорту, он по национальности — «индей».

Ну, как было после этого не стать сказочником?!

Ближайший друг поэт Николай Олейников оценил эту ситуацию в таких стихах:

Я красив, я брезглив, я нахален
Много есть во мне разных идей.
Не имею я в мыслях подпалин,
Как имеет их этот «индей».

Но это все впереди, а пока вернемся на мгновение в Казань.

Потому что именно в Казани, чтобы жениться на чистокровной русской дворянке, госпоже Шелковой, неистовый и грозный Лев Борисович, преодолев сопротивление темной, ортодоксальной екатеринодарской родни, отрекся от иудаизма и крестился. Правда, и в качестве православного, по заведенной в те годы моде, верил со всей силой своего еврейского темперамента только в нового бога — Карла Маркса.

«В красном углу родительской комнаты висел литографский портрет грозного бородатого человека.

— Кто это? — спросил я отца.

— Святой Карл — ответил отец». (*Е. Шварц. Дневники.*)

Говорили, что и на занятия любовью он склонил молоденькую Машу, приехавшую в казанский университет из далекой Рязани, читая ей вслух с каким-то особым выражением «Капитал» своего любимого Карла. Девушка будто бы разомлела под его выразительное чтение, и сама даже и не заметила, как стала матерью великого сказочника.

«Вот, значит, какая муза, и какой «Капитал» склонились над колыбелькой нашего друга Жени Шварца! — шутили друзья. — Что же вы хотите от несчастного малого? Тут не то что сказки для детей и взрослых будешь сочинять, тут и горькую запьешь с самим Горьким!»

Семейная жизнь родителей писателя складывалась не просто.

«Рязань и Екатеринодар (ныне Краснодар), — вспоминал Шварц — мамина родня и папина родня, они и думали, и говорили, и чувствовали по-разному.

И даже сны видели разные, как же они могли договориться?...

Отец был сильный и простой. Участвовал в любительских спектаклях. Играл на скрипке. Пел. И расхаживал по дому в римской тоге. Рослый, стройный, красивый человек, он нравился женщинам и любил бывать на людях.

Мать была много талантливей и по-русски сложная и замкнутая...

Думаю, что отец смотрел на удачи свои, принимал счастье,

если оно ему доставалось, встречал любой свой успех, как охотник — добычу.

А мама — как дар некоей непостижимой силы, которая сегодня дарит, а завтра может и отнять...

Шварцы были определены и мужественны и просты — и я любовался ими и завидовал.

Нет, не завидовал — горевал, что я чужой среди них...».

И снова уже в другом месте своих знаменитых «Дневников»:

«Отец был резким, вспыльчивым человеком, в отличие от ласковой и нежной матери».

При такой разности характеров родители Шварца давно бы разошлись, но как написал в своем стихотворении, адресованном вроде бы совсем другим людям, спустя много лет Евгений Шварц:

В доме «восемь» на Сенной
Жили-были муж с женой.
Им пришлось беднякам худо,
Но спасло от смерти чудо:
Научила их беда, разбудила навсегда,
Вразумило состраданье;
И на этом — до свиданья!

Город Майкоп в старости писателю вспоминался как некая Венеция. Майкопу, как и Венеции, все время угрожала опасность утопнуть. Но не в пучине морской, как Венеции, а в обычной сухопутной грязи.

Уже в детстве, утверждает легенда, маленький Женя умел видеть жизнь как череду забавных или грустных историй.

Согласно многим источникам, характер у мальчика был сложный. В нем странным образом как-то сочетались открытость и ранимость, скрытность и болезненная обидчивость.

В три года научился читать, еще раньше — мечтать, чуть позже решил стать «романистом», и, обладая развитым воображением, выдумывал различные истории, иногда пугая самого себя до полусмерти.

Однажды, мама спросила пятилетнего Женю, кем он станет, когда вырастет?

«Я от застенчивости лег на ковер, повалялся у маминых ног и ответил полусшепотом: «Романистом».

В смятении своем я забыл, что существует более простое слово — «писатель».

Но я не сомневался, что буду писателем...

В семь лет мне выписали еженедельный журнал «Светлячок», издаваемый неким Федоровым-Давыдовым.

Он меня не слишком обрадовал.

Был он тоненький.

От номера до номера проходило невыносимо много времени. Неделя в те времена казалась мне бесконечной.

А кроме всего я жил сложно, а журнал был прост».

Конечно, с ребенком, живущим так «сложно», родителям было непросто.

Рассказывают, что были у маленького Жени брючки. Когда он из них вырос, мама, естественно, решила брючки выбросить. Не тут-то было. Будущий писатель возмутился: как же так? Столько лет брючки старались, работали на Женю, бегали вместе с ним на свидания к соседскому петуху, и вот теперь мама их выбрасывает?! Нет, так не по-людски с любимыми вещами не расстаются! И Женя похоронил любимые брючки, а на могиле произнес в качестве прочувствованного слова монолог Отелло над погубленной им, не Женей, а мавром ревнивым, Дездемоной.

Ясно было, что добром подобные истории не кончатся.

Быть беде.

В смысле, быть в семье Шварцев — писателю.

Вот еще один признак нехороший.

Когда родился младший брат Валентин, и мамина любовь естественно переключилась в основном на него, Женя возненавидел братика. Он считал его виновником маминого охлаждения к себе. Из этой ненависти, по мнению многих, и возникло в старшем брате детское желание славы.

Женя мечтал стать знаменитым писателем, таким, как граф Лев Николаевич Толстой, только без его бороды, и значит, еще

лучше! Ему это было необходимо, чтобы вернуть себе утраченную, как ему казалось, навсегда, любовь мамы.

Жить без любви к себе Женя не мог. Всю жизнь он будет мучиться своей почти наркотической зависимостью от людей, от равнодушия даже случайных знакомых.

«Х. со мной важен и надменен, и на меня производит ужасающее впечатление, что это может на меня произвести впечатление.

Что мне до него — а вот поди ж ты!» (*Е. Шварц. Дневники.*)

Своими писательскими амбициями Женя достал своих родителей, и как только мальчик с грехом пополам в 1912 году окончил реальное училище в Майкопе и дорос из Жени до Евгения, они отослали его в Москву на юридический факультет Университета изучать перспективную, как им казалось, профессию юриста. Два года Шварц честно пытался одолеть юридическую науку, но через два года, так и не сдав экзамен по специальности «римское право», вернулся домой. Перед приездом он отправил родителям знаменитую телеграмму: «Римское право умирает, но не сдаётся!»

Так Шварц пополнил список сказочников — неудавшихся юристов: Шарль Перро, братья Гримм и Эрнст Теодор Амадей Гофман.

В 1917 году Шварц переезжает в Ростов-на-Дону, там его застаёт революция, а вслед за ней — гражданская война, которая именно в этих краях как раз и начиналась.

Начинал свой путь в искусстве Шварц — актером. Он приехал из Москвы, вот собственно на что ушли два года учебы в Московском университете, ярким, темпераментным, как сейчас сказали бы, шоуменом, способным держать внимание любой публики каким угодно текстом, а иногда и вовсе без ононого. Была у него коронная сценка-импровизация «Заседание суда». Да, это было настоящее, как и положено, заседание суда, с монологами адвоката, прокурора, свидетелей защиты и обвинения, все как у людей.

Только все участники судебного заседания были не люди, а собаки. Евгений Львович выходил на сцену кабаре и лаял за сво-

их персонажей. Но лаял строго по системе Станиславского. Вживаясь в каждого персонажа. Поэтому за грозного прокурора — лаял так, а за мудрого судью — иначе. Успех этого номера был грандиозный, и его тут же потащили в ростовскую «Театральную мастерскую».

«Высокий, статный красавец-блондин, светлоглазый поэт-импровизатор, декламатор и актер, он был совершенно неотразим в глазах женского общества, — вспоминал современник. — И даже отсутствие двух передних зубов и уже тогда заметное дрожание рук не мешало его успеху в обществе ростовской богемы».

Кстати, об отсутствующих зубах. В порядке «исторического уточнения» заметим, что долгое время считалось: свои передние зубы Женя Шварц потерял в 1918 году, когда служил в Красной Армии в продовольственном отряде, изымавшим, если кто не помнит, зерно из амбаров донских казаков. За что Евгений и пострадал.

Правда, как он писал во всех своих анкетах и биографиях, это не казаки ему заехали, а это он сам себе, случайно, вышиб зубы в количестве две штуки, рукояткой револьвера.

Легенда же утверждала, что нигде этот славный малый не служил, а это ему в пьяной драке из-за одной дамы вышиб ее муж, известный ростовский поэт-неудачник.

И только в самое последнее время выяснилось, что Евгений действительно в 1918 году служил в армии.

Но не в Красной, а в Белой.

И не в продотряде, а в армии генерала Корнилова во время знаменитого Ледяного похода из Ростова-на-Дону на Екатеринодар.

Когда несчастные белые офицеры в шинелях, покрытых коркой льда, — был конец марта и дожди поминутно сменялись заморозками — штурмовали станицу за станицей в попытке поднять все казачество на борьбу с большевиками. В царскую армию, как мы помним, Евгения Львовича по известным причинам в 1914 году не взяли, а в армию, пытавшуюся вернуть монархию на

престол в 1918 году, то ли добровольно, то ли по мобилизации, он попал.

Так бывает со сказочниками.

И весь реальный ужас той неудавшейся трагической военной кампании Евгений Шварц познал сполна. Казачество генерала Корнилова не поддержало, за что потом и заплатило своим физическим уничтожением, штурм Екатеринодара — не удался, генерал Корнилов — застрелился, а лишившийся зубов Евгений вернулся домой в Ростов-на-Дону.

Тогда же у него начали дрожать руки и дико испортился почерк. Спустя годы, Самуил Маршак сравнивал буквы, написанные Шварцем, с убитыми комарами, ножки которых разбросаны в разные стороны.

Имея такой пункт в своей биографии как участие в корниловском походе, а это было в те времена пострашнее даже пресловутого пятого пункта, — уж не поэтому ли предлагали родителю своему беспутному легкомысленному сыну взять псевдоним Ларин? — Евгений Шварц тем не менее рискнул продолжить свой путь на литературный Олимп, не меняя фамилии.

«И что удивительно, — удивлялись те немногие современники, кто знал всю правду с самого начала, — ведь он не отсиживался в тени, нет! Его фамилия постоянно была на слуху, он выступал везде, куда его звали, печатался повсюду, куда пускали, потом взошел на подмостки сцены, потом прорвался на экраны кинотеатров. Правда, тогда не было телевидения, и писателя мало кто видел в лицо. Но все равно это было чудо, что за все эти годы никто из бывших корниловцев не опознал Шварца, что никто не упомянул его фамилию в своих воспоминаниях, которые выходили за границу, а особенно внимательно читались здесь особого рода читателями!»

А ведь были и такие корниловцы, которые со временем перешли в ряды Красной Армии! Наверняка были и другие свидетели боевых подвигов белогвардейца Шварца, и, тем не менее, никто не вспомнил и не донес?!

Оказалось, и такое бывает.

Вернувшись в Ростов и немного оклемавшись, Евгений Шварц снова идет в актеры местного театрала, где и знакомится со своей первой женой Гаянэ. Он играл в пьесе Велемира Хлебникова с многозначительным названием «Ошибка смерти», играл скромную роль кого-то из гостей, зато один раз в присутствии самого автора. Шварц и сам был чудачком, но такого удивительного создания, как Хлебников, даже он не видал. Потом он кое-что припомнил в своих персонажах из той встречи с Велемиром. В трагедии Пушкина, «Моцарт и Сальери», которую, как известно, можно читать или петь, но только не играть на сцене драматического театра, Шварц все-таки старался по мере слабых сил изобразить из себя Сальери. Сил у него, правда, было немного. Но достаточно, чтобы со своим театриком провинциальным приехать в 1921 году на гастроли в Петроград.

Театр — после неудачных гастролей исчез, а Евгений Шварц — остался.

В начале двадцатых годов, не написав еще ни строчки, Шварц уже был известен во всех литературных обществах и тусовках Петрограда-Ленинграда. Он грузил уголь в порту, в книжном магазине на Литейном работал продавцом, недолгое время служил литературным секретарем Корнея Чуковского, и все это время при каждом удобном случае, диспут литературный, чей-то день рождения, юбилей, премьера у приятеля, свадьба у знакомого знакомых — Шварц превосходно каламбурил, сыпал еще горячими, только что, у вас на глазах испеченными шутками такого качества, что доводил до смешливых истерик даже Зощенко и Хармса, а уж эти, самые остроумные люди своего поколения, в подобных вещах толк понимали.

Чтобы таких мрачных людей рассмешить — тут надо было быть Шварцем!

Несколько лет устный рассказчик и записной остряк-самоучка из Майкопа был всего лишь украшением литературного процесса, протекавшего в Петрограде, но, в конце концов, ему это надоело, и он стал необходимой частью этого самого процесса.

Не переставая — говорить, начал — писать.

Писательская биография великого сказочника складывалась без сказочной легкости.

Долгое время он «подходил к литературе на цыпочках».

Печататься Шварц начал в провинциальной прессе. Впервые обзавелся псевдонимом. Но не Лариным, а стал называться Щуром. Щур — это древнеславянское обозначение домового и некоей певчей птицы. Под этой фамилией в журнале «Воробей» в 1924 году появился «Рассказ Старой Балалайки». «Балалайку» заметил Маршак, и похвалил Мандельштам.

Уже приятно.

На следующий год у Шварца вышло сразу несколько детских книжек «Воробей», «Война Петрушки и Степки-растрепки», «Лагерь» и «Шарики», а, кроме того, и первая книжка детских стихов «Рассказ старой скрипки».

«Вот и хорошо, — заметила в своем дневнике известная в те годы писательница Александра Бруштейн. — А то рассказываешь всем: Женя Шварц, Женя Шварц! А на вопрос, а что он собственно сделал в литературе, ответить-то было нечего. А теперь есть чего!»

После этого писатель Щур исчез, а появился — и уже навсегда — писатель Евгений Шварц. Который сначала стал детским драматургом — сказочником,

потом — драматургом-сказочником, но не совсем детским,

а потом — хоть и вроде бы сказочником, но уже совсем, совсем не детским.

Первая пьеса, которая окончательно решила писательскую судьбу Евгения Львовича, введя его в клан «бессмертных», была сказка «Голый король». Великий Акимов попросил автора дать Театру Комедии пьесу на современную тему. Вместо обычной нормальной советской пьесы Шварц создал вроде как бы сказку, как и положено, всякой сказке — в меру наивную и добрую, но при этом — столь изощренно остроумную, печальную и глубокую, что ее тотчас после блистательной премьеры в 1934 году пришлось запретить.

Затем этой чести — быть заживо похороненными — удостоились гениальные «Тень» в 1940 году и «Дракон» в 1943 году.

Но ведь не посадили, утешали друзья. И то хорошо.

Вроде и они правы.

Зато все остальное — было напечатано, поставлено, исполнено. Все, что связано в наше время у современного читателя с именем писателя Шварца, составляет только сотую часть всего, что он написал вообще. Если любимый писатель Шварца Антон Павлович признавался, что «пишу все, кроме стихов и доносов», то любимый наш писатель Евгений Львович Шварц не писал только доносов.

Стихи он писал, и как убедится читатель этой книги — иногда очень хорошие.

Он сочинял фельетоны в стихах для газеты «Всесоюзная кочегарка», стихи, рассказы, сказки, смешные подписи под смешными картинками для замечательных детских журналов «Чиж» и «Еж», сатирические обозрения для Аркадия Райкина и кукольные пьесы для Сергея Образцова, сценарии детских фильмов «Первоклассница» и «Золушка», фильмов-сказок для детского режиссера Роу, а также сценарий фильма «Дон Кихот» для режиссера совсем взрослого Григория Козинцева, а в трудные в материальном отношении минуты, не отказывался и от либретто для балетов и даже от реприз для цирка.

И это только то, что было на поверхности.

После смерти писателя обнаружился огромный том замечательных, беспощадных, точных и пронзительных воспоминаний и мемуаров. А какие письма он писал своей второй жене, Екатерине Ивановне, и друзьям! Шварц никогда не считал себя великим писателем. Мысль о том, что его письма хоть когда-нибудь будут опубликованы, не приходила ему в голову. В отличие от многих своих коллег он писал письма без черновиков. Потому что считал, что «переписывать письма начисто — стыдно, получится не письмо, а литература». Но если вы прочитаете письма Шварца, то увидите, что по своим чисто художественным досто-

инствам они совсем не уступают эпистолярному наследию даже такого мастера этого жанра, как Чехов.

«Мрачные мысли запрещены.

Запрещены навсегда и на всю жизнь».

Это что? Реплика из пьесы? Нет, это строка из сугубо частного письма к жене.

В этих письмах видно, как сказки писателя Шварца и повседневное бытование человека с такой же фамилией как бы переливаются друг в друга.

В книге «Воспоминания о Евгении Шварце», друг великого писателя — врагов, как известно, в такие книги не допускают, — сообщает:

«Ты знаешь, до сих пор не могу найти себя, — жаловался он мне — 25 лет пишу, сволочь такая, для театра, а косноязычен, как последний юридивый на паперти!»

А другой современник однажды застал Евгения Львовича в момент, когда сказочник смотрел на себя в зеркало. Классик смотрел на себя и ругался:

«Тьфу! Никак не могу привыкнуть к этой старой образине!»

Между тем воспоминания о Шварце можно было бы начать и так:

«Жил на свете постоянно, но не утомительно, веселый, мудрый, все понимающий и, несмотря на это, везучий сказочник Евгений Шварц.

Внешне, — на взгляд той, женской части городского населения Ленинграда, что имела счастье непосредственно лицезреть драматурга Шварца в первой половине прошлого, советского, века, — он был похож на римлянина.

На иной взгляд, для «римлянина» наш русский классик был несколько полноват, но это была как бы компенсация за его сказочную худобу далеких юношеских лет.

Другие непременно добавили бы, что среди многочисленных житейских щедрот великодушная судьба за непонятные заслуги наградила писателя Шварца не только острым умом, имевшим мужество додумывать все до конца, но и редким для русского

писателя даром устного рассказчика. Если бы он даже вовсе ничего не писал, он вполне мог бы зарабатывать себе на пропитание, рассказывая всем желающим придуманные им, чудесные и смешные истории. Разумеется, добавляли современники, если бы за это хоть что-нибудь платили.

Имя всякого мало-мальски известного человека всегда окружено сплетнями, или их более цивилизованной разновидностью, легендами.

Есть такие легенды и о Евгении Шварце.

Например, считалось долгое время, что этот «римлянин» из славного донского города Майкопа («Майкоп — родина моей души», вспоминал Шварц) в двадцатые-сороковые годы 20 века, был известен «всему Петрограду-Ленинграду» только как замечательный «устный писатель», блистательный рассказчик-импровизатор.

Он даже угодил в этом качестве в персонажи появившейся в 1931 году повести писательницы Ольги Форш «Сумасшедший корабль» под именем Геня Чорн. Это был «...импровизатор-конферансье, обладавший даром легендарного Крысолова, который, как известно, возымел такую власть над ребятами, что, дудя на легкой дудочке, вывел весь их мелкий народ из немецкого города заодно с крысами. Сейчас он вознес римский свой профиль над сценой...».

Поясним, однако, что немецкий Крысолов увел местный «мелкий народ» в преисподнюю, а наш Крысолов из Майкопа уводил советских детей из мира Беспросветного Ужаса в мир Радости и Добра.

Тем не менее, никто в те годы, даже такой, казалось бы, проницательный критик, как Корней Иванович Чуковский, даже в страшном сне не смог предположить в своем литературном секретаре — а Женя Шварц в голодные времена подвизался у Чуковского в этом качестве, и Корней Иванович виделся со Шварцем почти каждый день — не смог угадать «в этом остряке и балагуре ... будущего автора таких замечательных сатир и комедий,

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Александр Корин. Сердце о сказку греется...</i>	5
<i>Николай Чуковский. Высокое слово — писатель</i>	31

ОЩУЩЕНИЕ ЧУДА

<i>Евгений Шварц. «Меня Господь благословил идти...»</i>	51
Из письма Е.Л. Шварца	52
<i>Х.-К. Андерсен</i>	
Свинопас	54
Новое платье короля	61
<i>Евгений Шварц. Голый король</i>	67

ТЕЛЕФОННАЯ КНИЖКА

Вступление к Телефонной книжке	149
Из Телефонной книжки	
Акимов	151
Альтман	154
Арбели (Орбели)	156
Андроников	158
Гарин	163
Жеймо	164
Жакт	166
Житков	167
Зандерлинг	187
Герман	196

ТЕНЬ

<i>Х.-К. Андерсен. Тень</i>	199
<i>Евгений Шварц. Тень. Сказка в трех действиях</i>	216

БЕССОННИЦА

Из Дневника	297
<i>Татьяна Зарубина. Моя азбука</i>	304
<i>Евгений Шварц. Бессонница</i>	313

БЕССМЫСЛЕННАЯ РАДОСТЬ БЫТИЯ

«Бессмысленная радость бытия...»	317
Автобиография	318
Юрию Герману	322
Из Дневника	323
Из Телефонной книжки	
Клыкова	331

ДРАКОН

Дракон. <i>Сказка в 3-х действиях</i>	359
Письмо Н.П. Акимову	434

ТЕЛЕФОННАЯ КНИЖКА

Из Телефонной книжки	
Лебедев	441
Маршак	444
Панова	450
Пантелеев	452
<i>Леонид Пантелеев. Добрый мастер</i>	455
<i>Евгений Шварц. Корней Чуковский. Белый волк</i>	457

Из Телефонной книжки

Шостакович	474
Шкловский	483

Е.Л. ШВАРЦ В РОЛИ ТАМАДЫ

Торжественное заседание. *Шуточная пьеса* 491

С т и х и

Спор	500
Идиот	505
Эпиграмма на Шкловского	507
«Я не пишу больших полотен...»	508
Стихи о Серапионовых братьях, сочиненные в 1924 году	509
Случай	511
Страшный суд	513

ПИСЬМА ЖЕНЕ

Из писем жене Е.И. Зильбер (Шварц) 519

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО

Обыкновенное чудо. *Сказка в 3-х действиях* 555

Я ВСЁ НА ДУДОЧКЕ ИГРАЮ

В трамвае	631
«Прощай, дерево...»	633
«Я прожил жизнь свою неправо...»	635